

Пивоварчик Т. А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/51.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 135-137. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

4. Серова Л. Ф. Коммуникативная инверсия как приём стилизации // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы: Межвузовский сборник. - Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1989. - Вып. 6. - С. 42-49.

5. Смирницкий А. Ф. Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во литературы на ин. языках, 1957. - 287 с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Пивоварчик Т. А.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Персональность - универсальная категория, значения которой связаны с предметным миром и с когнитивно-познавательной деятельностью человека, а потому несут объективную информацию, устойчиво закрепленную за языковыми единицами. Однако в речи регулярно обнаруживаются дополнительные смыслы, не заложенные в языковой системе и возникающие в конкретных высказываниях - прежде всего в зависимости от интенции говорящего и в связи с его отношением к остальным участникам коммуникативного процесса. Языковые средства, образующие функционально-семантическое поле персональности (в том числе и притяжательные местоимения со значением 'лица-атрибута'), выполняют прагматические функции - служат инструментом для регулирования коммуникативных отношений говорящего с разными людьми в меняющихся обстоятельствах благодаря персонализации - актуализации коммуникативной (межличностной, статусно- и ситуационно-ролевой) соотнесенности участников речевой ситуации [Пивоварчик 2005].

Одно и то же местоимение может одновременно выполнять функции, возложенные на него языковой категорией персональности, - референции и идентификации (последняя включает в себя номинативную, указательную и дескриптивную функции) и регулятивные функции, связанные с персонализацией, - вежливости, фатическую, фокальную, социально-прескриптивную, эмотивно-оценочную и эмоциогенную, аксиологическую и под. Притяжательные прилагательные в той или иной степени осознанно и намеренно используются говорящим для конструирования межличностного пространства, установления границ между «своей» и «чужой» территориями: «диалогический подход возможен... даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово языка, а как знак чужой смысловой позиции, как представитель чужого высказывания, то есть если мы слышим в ней чужой голос» [Бахтин 1979: 213]. Вспомним тонкое наблюдение А. М. Пешковского: «...Едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае: *в семье моей я мнил найти отраду, я дочь мою мнил осчастливить браком...*, а в другом случае - *кто ни умрет, я всех убийца тайный: я ускорил Феодора кончину, я отравил свою сестру царицу...* Во втором случае свой больше подходит, чем мой, потому что высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей, которые про него говорили: «Он отравил *свою* сестру», так что *свой* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он на самом деле не разделяет» [Пешковский 1956: 162].

Сравните, какую градацию претерпевают способы названия жениха в речи постепенно охлаждающей к нему девушки в рассказе А. П. Чехова «Невеста»: *Вот вы только что говорили про моего Андрея, но ведь вы его не знаете (мой + личное имя → 'он принадлежит к моей личной сфере; если вы относитесь хорошо ко мне, то так же должны относиться к нему');* *Я не люблю этого человека... И говорить о нем не могу (этот (хотя известно имя) + гипероним человек → 'он мне чужой');* *И что такое твой Андрей Андреич? Ведь он же не умен, мама (твой → 'он мне не только чужой, с которым я намерена поддерживать официальные отношения, но и я считаю возможным относиться к нему негативно').*

Прагматически актуализированное употребление в диалогической речи притяжательных местоимений позволяет регулировать взаимоотношения говорящего с его собеседниками на основе обращения к трем лингвосомиотическим оппозициям:

1) на оппозиции *свой/чужой* адресант регулирует взаимоотношения с адресатом, включая его в свою личную, социальную (возрастную, гендерную и т.п.), этнокультурную сферу или исключая из нее, а также причисляя или не причисляя себя к подобной сфере адресата. При сближении сфер актуализируются чувственные прагмасмыслы - солидарности, интимности, сопричастности, соучастия, открытости, сотрудничества, компромисса, схождения, совместности; при отдалении сфер возникают прагмасмыслы отчуждения, поляризации интересов, дискретности, замкнутости, холодности, отстраненности, соперничества, враждебности, контраста, осуществляется переход на отношения *верх/низ*;

2) на оппозиции *тепло/холодно* устанавливаемая говорящим тональность общения предполагает демонстрацию расположения (актуализируются значения доверительности, симпатии, эмпатии, интимности, теплоты, дружелюбности, заинтересованности) или нерасположения (холодности, неприязни, враждебности, безразличия, индифферентности) к адресату. Это экспликация эмотивного компонента во взаимоотношениях: люблю/не люблю, нравится/не нравится, гнев на адресата, недовольство адресатом, презрение к адресату и т.д.;

3) оппозиция *хорошо/плохо* связана с регулированием взаимодействия коммуникантов на основе включения общих оценок *настоящее/ненастоящее, сильное/слабое, правильно/неправильно, одобряемо/неодобряемо, допустимо/недопустимо* и т.п. Такой оценке может подвергаться сам адресант, адресат, а

также третьи лица. Цели позитивной и негативной самопрезентации адресанта, хотя поверхностно и различаются, обычно совпадают: как положительный, так и отрицательный самообразы позволяют адресанту добиться требуемого отношения адресата и побудить последнего к желаемым действиям.

Первичные прагматические функции притяжательных местоимений становятся конвенциональными: они являются предписанием социума и обязывают всех говорящих эти правила соблюдать; в таких случаях можно говорить о речевых клише, которые говорящий использует не задумываясь. Так, эпистолярная традиция заканчивать письма самообозначениями автора письма с местоимением *ваш*, *твой* связана с актуализацией отношений взаимности, интимности: *Ваш...*; *Весь Ваш...*; *Искренне /душевно Ваш...* и т.д. Формулы эпистолярного самонаименования могут представлять собой цитацию тех «интимных» номинаций адресанта, которые ему дает обычно только адресат (знаков конфиденциальности): адресант обозначает себя так, как обычно (с нежностью, иронией и т.д.) называет его адресат, с тем чтобы «восстановить» эти чувства. При таком обозначении часто используется местоимения *твой* или *свой* (в значении ‘твой’) или кавычки, подтверждающие чужое авторство оценки: рус. *Ваш дорогой учитель виноват перед Вами адски* (А. П. Чехов Е. М. Шавровой-Юст); *Не сердись на своего рыболова* (А. П. Чехов О. Л. Книппер-Чеховой).

Конфликт первичной функции местоимения с контекстом и ситуацией речи, нарушении нормативности употребления конвенционального средства служат сигналом адресату о наличии некой имплицатуры, которую он должен извлечь. Любое отклонение от конвенционального употребления сразу же вызывает коннотации и приводит к появлению “прагматических фигур речи” [Никитин 1996: 644] - иронии, гиперболы, фальшивой оценки и т.д.

В следующем примере выделена подчеркнуто вежливая фраза, практически вышедшая из употребления и ставшая маркированной как особенность речи интеллигентов (нередко с негативной оценкой), но в то же время используемая сегодня во вторичной функции как средство иронии, сарказма в тех случаях, когда говорящий хочет указать адресату на необоснованность его требований, на его завышенную самооценку, на излишнюю церемонность его поведения: (директор интерната детям) - *Сейчас здесь будет произведен обыск! Разумеется, с **вашего** позволения, - язвительно заговорил он* (В. Астафьев).

Отклонения от существующих норм функционирования обнаруживают себя, 1) когда конвенциональная сторона прагматики претерпевает динамику в зависимости от социальных преобразований: одно теряет актуальность, а другое становится актуальным; 2) когда носителями языка нарушаются конвенциональные нормы для передачи определенного смысла и нарушаются привычные параметры общения; 3) когда единица, употребляемая вроде бы конвенционально, противоречит некоторым характеристикам речевой ситуации - ‘говоря X, на самом деле имею в виду Y и даю возможность адресату эту имплицатуру Y вывести’, при этом выводимые прагматические значения идут не от знания языка, а от знания мира и людей.

Так, коннотация отчуждения может содержаться в местоименном определении *твой* при номинации третьего лица, входящего в личную сферу адресата. Прагматические смыслы возникают из-за несоответствия категориального значения местоимения его употреблению: *твой* - это ‘тот, кому ты сочувствуешь, кого хвалишь, кого защищаешь’; если ты относишься к третьему лицу позитивно, то этим как бы включаешь его в круг своих близких лиц. Примеры: (теще о жене) *Счас еще **Соню твою** подожду... Счас она у меня будет пятый угол искать* (В. Шукшин); - *Позвольте, москвичи утверждают, что она играла прекрасно в свое время - Врут **ваши москвичи!*** (М. Булгаков); (о вызванном враче) *На что мне **твой Астров?** Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии* (А. П. Чехов). Таким образом, вторичные функции выражаются за счет специфичности, нестандартности, необычности использования языковых средств (это и актуализирует, «вызывает к жизни», переносит из периферии в центр те компоненты значения языковой единицы, которые организуют прагматическую нагрузку высказывания).

Для говорящего в некоторых речевых ситуациях могут быть актуальны способы «ослабления» и маскировки речевого намерения. Тогда переход от индикатива перформативного предиката к конъюнктиву и далее - к формуле «перформативный девербатив + инфинитив» с «нулевой» модальностью формирует в высказывании прагматический эффект скромности: «говорящий не хочет показаться навязчивым, стремится представить себя скромнее, как бы меньше» [Тараненко 1989: 144]. Намеренная обезличенность формулы, в которой предикативным центром выступает девербатив со значением речевого действия, отражает снижение роли адресанта, снижение его активности, его самоустранение: *Наилучшие **пожелания** здоровья и всего хорошего!; **Просьба** не задерживать сдачу денег*. Отсутствие указания на субъекта речевого действия может компенсироваться включением в формулу притяжательного местоимения *мой*: ***Мой совет**, Алла Кузьминична: заплатите добром, не позорьтесь* (В. Шукшин); *Вот что - **моя просьба**. Во-первых, пришли мне денег* (Л. Н. Толстой С. Н. Толстому).

Прагматически значимые случаи «подчеркнутой, окрашенной притяжательности» [Николаева 2002: 38], в которых обнаруживается, с чем адресант себя идентифицирует, что он определяет для себя приоритетным, чему / кому он готов отдать часть себя, с чем / кем сравняться, соединиться.

Так, в эмоциональных обращениях притяжательное местоимение *мой* развивает качественно-оценочный компонент своего значения: «в обращениях типа *ягодка моя*, *солнышко мое* и т.п. не признается самостоятельность субъективированного объекта. Его существование дается только в связи с субъектом речи, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *мой*» [Сянкевич 1995: 87]. Структура обращений с местоимением *мой* различна: от двух до шести компонентов; кроме указанного местоимения в нее включаются, в том числе и дважды, существительные, прилагательные, местоимение *ты*, частицы. Такое

окружение possessiva *мой* влияет на его функциональную нагрузку. Обращения, построенные по модели «сущ./прил. + *ты* + *мой*» и т.п. используются как дополнительное средство идентификации и характеристики адресата: *друг ты мой, золотко ты мое, ангел вы мой, доброты ты мой батюшка, братец ты мой миленький, дорогая вы моя*. Такой вывод подтверждается тем, что во многих случаях прилагательные занимают прагматически сильную позицию абсолютного начала: *бесценная моя, миленький мой, золотой ты мой, ненаглядный ты мой, дорогой ты мой боярин, родимый ты мой Петр Степанович*. В речи продуктивнее модель с постпозитивным *мой* по отношению к местоимению *ты*; таким образом эксплицируется прежде всего направленность речевой формулы к адресату, отношения выстраиваются в оппозиции *много/мало*, перлокутивные возможности формулы повышаются в первую очередь через «увеличение» фактора адресата (*ты*) и лишь потом - через актуализацию эмоционального фона взаимодействия (*мой*).

В обращениях местоимение *мой* сочетается с существительными, принадлежащими к разным лексико-семантическим группам, и это показывает, что говорящий может актуализировать в качестве значимых разные отношения с собеседником. Так, в обращениях «*мой* + существительное» и «существительное + *мой*» позиция существительного чаще всего оказывается заполнена релятивными номинациями адресата, среди которых преобладает слово *друг*: *мой друг, мой дружок, моя подружка, друзья мои, дружечка моя, земляк мой*. Высок процент обращений с *мой*, где существительное является характеризующей номинацией адресата: *мой кормилец, мой благодетель, моя красавица, моя певунья, добродетель мой, красавица моя, ласкательница моя, умница моя, дурачок мой* и т.д. Таким образом, для носителя русского языка значимыми оказываются разные отношения, однако с особым акцентом на отношения дружбы, что отмечено и в [Вежбицка 2001: 108-116].

Местоимения *мой* и *наш* могут присоединяться к словам, отражающим тему разговора. Так, в советский период член общества часто идентифицировал себя и адресата с общей для всех властью и партией, что проявлялось в почти обязательном использовании при их наименованиях местоимения *наш*: *Спасибо нашей Советской власти* (В. Шукшин). Приоритет нередко отдавался *мы* перед *я*: *В нашей школе...* (хотя возможно *В моей школе...*). В таких контекстах говорящий представляет себя не индивидуально, а в отождествлении с социальным коллективом, что показывает значимость для него включенности в общую социальную сферу и значимость взаимных обязанностей, устанавливаемых в этом коллективе. Все, что определяется как *наше* (с корпоративно-инклюзивным значением), в речевых формулах оценивается позитивно: *наш* - 'хороший', 'правильный': *Может, ты и очень образованный, но в наши времена так не говорили студенты* (Я. Колас). Субъектно-локативная синтаксема *у нас* в контексте оценочного высказывания также символизирует позитив ('так, как должно быть'): *Вот у нас в бурсе так действительно драли* (А. И. Куприн); *Так у нас не положено!*; *У нас так не делают!*; *А вот у нас говорят...* Использование местоимений *мой* и *наш* при указании на адресата или третье лицо подразумевает, в силу включения этого лица в личную сферу адресанта, позитивное отношение к нему, готовность разделить с ним ответственность за его поступки. *Наш человек* = 1) 'тот, кто делает то же, что и мы, делает так же, как и мы', 2) 'тот, о ком мы думаем, что он поступает правильно'. Существуют и многочисленные формулы конфиденциальности, выступающие аргументом в речевых актах императивного характера: *Вы извините меня за нескромный вопрос... я ведь человек свой... у вас борьба не того? Не фиктивная?* (А. И. Куприн).

Субстантивированные формы притяжательных местоимений *мой, наш, мои, свои, наши* указывают на круг лиц, включаемых говорящим в его личную сферу: на родных, членов семьи (*мой* ('муж', 'сын'), *моя* ('жена', 'дочь')), сослуживцев (*наши*), граждан одной страны, представителей одной партии и т.д.: *Говорю я нынче на всех иностранных языках и даже, кажется, английскую брошюру напишу, знай наших!* (М. Ф. Андреева Н. Е. Буренину).

Таким образом, прагматически актуализированное употребление в диалогической речи притяжательных местоимений позволяет регулировать взаимоотношения говорящего с его собеседниками, делает их более прозрачными. При этом прагматические коннотации выстраиваются на основе положительной оценки «своего» и отрицательной оценки «чужого».

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
2. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
3. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. - СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. - 760 с.
4. Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. - 2002. - № 4. - С. 25-41.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
6. Пивоварчик Т. А. Категория персонализации: модель описания содержательной структуры // Лингвістичні студії: Зб. наук. праць. - Донецьк, 2005. - С. 29-36.
7. Сянкевіч В. І. Семантыка і прагматыка беларускай мовы. - Брэст, 1995. - 214 с.
8. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах / АН СССР. - Киев: Наук. думка, 1989. - 256 с.